

УДК 37.014.5

Н. Д. НИКАНДРОВ, президент Российской академии образования, г. Москва

Гражданское воспитание в современной России

В статье поднимается проблема гражданского воспитания в современных условиях. Приводятся тезисы, характеризующие сегодняшний поток информации, который влияет на гражданскую позицию людей.

Ключевые слова: гражданское воспитание, патриотическое воспитание, менталитет.

В советское время значимость гражданского воспитания (терминология была разная: гражданское, идеологическое, патриотическое и т. д.) не подвергалась сомнению. Была и соответствующая практика, вполне и неплохо разработанная, хотя и имевшая ряд недостатков; одним из очевидных была чрезмерная унификация. В течение всего периода «лихих девяностых» понятие идеологии практически не упоминалось, если же и упоминалось, то только в критическом ключе как воспоминание о прошедших и ушедших (советских, застойных, авторитарных, диктаторских, командно-административных и т. п.) временах и системах. Однако движение к пониманию важности идеологии и идеологического воспитания налицо. Весьма показательно в этой связи выступление Президента страны Д. А. Медведева на заседании Госсовета, посвященного, казалось бы, совсем другому вопросу — созданию условий для развития творческих способностей молодежи. Госсовет заседал в одной из подмосковных школ 22 апреля 2010 года, и Президент РФ среди прочего сказал, что необходимо также заняться и идеологическим воспитанием, которого после распада Советского Союза фактически не было. Вот статистика, приведенная на заседании: подавляющее большинство учеников 5—9 классов — 97 %, называют своим идеалом героев иностранных фильмов-боевиков. И лишь 2 % в качестве идеала называют ученых или деятелей искусства. А далее Президент объяснил и причину этого обстоятельства, и так, впрочем, понятную: в советское время именно ученые, космонавты, деятели искусства, военные, чекисты и так далее были типичными героями фильмов. Добавим — были и хорошие, добрые и небеспроблемные фильмы про школу. Например, фильм «Доживем до понедельника». Сейчас, понятно, положение совсем иное, прежние герои сброшены с пьедестала, заменены (какая «адекватная» замена!) теми самыми персонажами фильмов-боевиков.

Выступление Президента РФ показательно по двум причинам. Во-первых, само обращение к проблеме

идеологического воспитания сейчас на самом деле совсем не тривиально, особенно на таком высоком уровне. Второе обстоятельство не менее интересно, более того, интригующе. Это выступление слышали многие в зале школы, во много раз больше людей слышали и видели его по телевидению, эти слова были и в первых отчетах о событии в сети Интернет. Но странным образом кто-то исключил именно этот пассаж из стенографического отчета, опубликованного позднее в Сети.

Этот факт говорит о том, что вопрос об идеологии и ее роли в социализации и воспитании весьма чувствителен, что вокруг него ведется полемика на весьма высоких уровнях обсуждения. По сути, речь идет о том, не нарушает ли идеологическое воспитание, в основе которого, понятно, всегда лежит определенная идеология, некоторые статьи Конституции РФ? Так, в 13 статье признается идеологическое многообразие, подчеркивается, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. А 29 статья существенным образом дополняет эти запреты, поскольку в ней гарантируется свобода массовой информации и запрещается цензура [8].

Вместе с тем вопрос не так прост. С одной стороны, думается, нельзя не поддержать слова почти афористического высказывания нашего Президента при вступлении его в должность: «Свобода лучше, чем несвобода». С другой стороны, всем понятно, что свободой можно злоупотреблять, если она не связана с ответственностью, хотя, как было сказано еще две тысячи лет назад, *abusus non tollit usum* — злоупотребление не отменяет употребления. Третий важный момент — согласно еще одной, 55-й статье Конституции РФ права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом, если речь идет о защите конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц [8]. Такая практика есть в ряде стран, признающих как-то по умолчанию демократическими. И, наконец, ведь можно, мы полагаем, и нужно понимать идеологию

широко, как разделяемую любым сообществом — группой людей, организацией, фирмой, регионом, страной, систему ценностей. И тогда уже воспитание просто невозможно без идеологии как системы ценностей. В основе воспитания всегда лежит такая система. И мы пока на уровне довольно простого рассуждения приходим к выводу, что идеология и идеологическое воспитание всегда были, есть и будут. При этом правильнее говорить не только об идеологическом воспитании, т. е. процессе, который осуществляется в специальных образовательных и воспитательных учреждениях. Значительно мощнее начинающееся с первых моментов жизни ребенка, с самого начала жизни любого сообщества воспитание всем укладом, всеми сторонами жизни, т. е. то, что называется социализацией.

Разумеется, споры на эту тему начались не сегодня, и некоторые уроки в этом плане нам дает история второй половины XX века. Речь идет о понятиях конвергенции и деидеологизации. Обе идеи возникли в середине XX века. Прежде всего, стоит вспомнить работы Д. Белла, родившегося в 1919 году и здравствующего поныне. В некотором смысле слова его судьба и идейная трансформация хорошо иллюстрируют мысль мудрого премьер-министра Франции Ж. Клемансо: «Кто в молодости не был радикалом, тот не имеет сердца. Но кто в старости не стал консерватизмом, тот не имеет головы». В самом начале 1960-х годов Д. Белл обосновал концепцию деидеологизации, согласно которой социальные конфликты затухают, классовая борьба уходит в прошлое, общества идут к согласию. Но очень скоро в знаменитой книге «Конец идеологии. Об истощении политических идей в пятидесятых» он уже — несмотря на название книги — по сути, отказывается от идей деидеологизации, напротив, говорит о важности идеологий, особенно религии [19]. Позднее ученый обосновывает более мягкие идеи постиндустриального общества, еще позднее приходит к либеральному консерватизму.

Но дело, конечно, не только в формуле Клемансо о естественном возрастном развитии человека и его идей. На самом деле многие уже вскоре после возникновения идей деидеологизации, с которыми связывались радужные ожидания вселенского согласия, с сожалением — или просто сообразуясь с реальностью — отказывались от этих идей. То же произошло и с конвергенцией, идеей сближения стран, экономик и идеологий, известным сторонником которой в 1970-х годах в СССР был А. Д. Сахаров. Надежды здесь явно опережали реальность. Примерно так же развивались и идеи глобализации, возникшие в те же времена середины XX века, хотя и приобретшие популярность много позднее. Еще одним примером является уже совсем недавнее (октябрь 2010 года) выступление канцлера Германии А. Меркель. Касаясь идей мультикультурности и мирного взаимодействия идей и культур, она безапелляционно заяви-

ла, что эти идеи полностью и совершенно провалились.

Здесь позволим себе некоторое отступление от основной темы. Как раз к тем временам (1950-е годы) относится увлечение автора изучением иностранных языков. Приходилось очень внимательно и часто слушать чужие («чуждые»? «вражеские»?) радиопередачи. Нередко на русском, что было не просто из-за глушения, чаще — на нескольких иностранных, которые с усердием изучались. При этом идеолого-политическая сторона передач нас первоначально мало интересовала — это было вполне нормальным и обыкновенным. Тем не менее время, проведенное за радиоприемником, как-то само по себе подвело нас к рассуждениям идеологического свойства. Оказалось, что при всем разнообразии радиостанций, характера передач, их тематики и языков по всем основным вопросам политико-идеологического свойства совершенно прозрачной была близость, нередко идентичность оценок, аргументов и даже приводимых примеров. Это касалось положения дел внутри и вокруг СССР, советского строя, политики СССР в самом широком плане. Однако в других вопросах, мало или менее влиявших на политический менталитет (слово это, впрочем, тогда почти не употреблялось) были и разнообразие, и полемика.

Привыкнув к некоторым передачам и именам, мы научились заранее предсказывать, что, кто и где скажет по тому или иному вопросу. Первоначально это было просто забавно, как своего рода интеллектуальное упражнение. Потом это стало самым реальным отражением идеологической борьбы: оценка определялась не реальным положением вещей, не здравым смыслом и логикой, а тем, как эта формируемая оценка вписывается в общий идеологический конструкт человека, организации, радиостанции, общества, государства. В некотором смысле слова это была логическая ошибка, известная еще древним и называемая «аргументом к человеку» (*argumentum ad hominem*): мы считаем человека плохим (не важно, какое конкретное значение вложим в это понятие), тогда все, что он делает, будет тоже плохим. Вместо человека можно подставить фирму, научно-исследовательский институт, любое сообщество людей, общество или страну.

Ведь и тогда была известна пословица, согласно которой — тот, кто платит, заказывает музыку. Понятно и то, что плата отнюдь не обязательно должна быть в рублях, долларах или иной валюте. Это может быть плата разного рода услугами, устройством на работу или сохранением на рабочем месте, безопасностью собственной или близких и т. д. Соответственно, невозможна и подлинная — абсолютная — независимость. Кроме грубых или мягких рычагов давления (скажем иначе — влияния), есть еще и самооцензура — часто самое надежное средство, позволяющее и невинность соблюсти, и капитал приобрести.

Конечно, нам всем известны примеры, когда люди в разных ситуациях действительно выражают свою точку зрения, несмотря на возможные или несомненные риски разного рода; рискуют при этом благополучием, свободой и даже жизнью. Но речь идет не о примерах, пусть многих, а о типичном поведении работников не только СМИ, но и культуры вообще тех времен, и, самое главное, времен наших. Поскольку в своей основе ситуация изменилась крайне мало. И сказано это не с осуждением, а с пониманием — такова жизнь. В 1930 году К. Скотт, редактор газеты «Манчестер гардиан», написал историческую фразу, изящный и остроумный афоризм: «Факты священны, их толкование свободно». Но все последующие годы только подтвердили, что разделить факты и аргументы, факты и их толкование можно во времени и пространстве (например, в разных передачах или их разных частях), можно их и объединить в названии одной газеты, но общая идеологическая картинка, общий посыл всегда однозначен. То, что это так, хорошо показано во многих работах [5; 6; 10; 11]. В некоторых случаях какие-то вопросы пиара (даже черного) поддаются правовому регулированию [4], чаще речь идет о регулировании нормами морали и законами рынка, которые плохо гармонируют и нередко контрастируют.

С учетом сказанного легко понять, что гуманитарная сфера, т. е. все, созданное для влияния на культуру, нравственность, менталитет, лояльность, поведение человека нагружено идеологией, использует — не может не использовать — идеологические формулировки, мифы и штампы. Долгое время после распада СССР слово и понятие идеологии, как уже отмечалось выше, вообще не употреблялось, говорилось и о том, что идеология нам не нужна. Это была иллюзия, которой много раньше предавался Д. Белл. На самом деле идеология во многом определяет общий посыл статьи, книги, фильма, телепередачи, телеканала, в конечном счете — любого произведения культуры, а, значит, направление и результаты социализации человека, его воспитания как гражданина страны. Сразу же можно вспомнить и другое: идеи глобализации, всемирного устойчивого развития. Вспомнить, что наша планета — это лодка, и мы все в одной лодке, и многие другие, в общем, правильные вещи. Но все же человек всегда и везде, прежде всего, воспитывался как гражданин конкретной страны. Приоритеты гражданского воспитания хорошо отражены в принятой в 1989 году Конвенции о правах ребенка, 29 статья которой утверждает, что «образование ребенка должно быть направлено на <...> с) воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной» [7]. Здесь хочется поставить латинское *sic!* — так. Да, именно так, такова си-

стема приоритетов в социализации и воспитании. В практическом плане это означает, что приоритет принадлежит идеям и содержанию, связанными со своей жизнью для каждого гражданина страны, и лишь постепенно в хронологическом плане личностного развития ребенка эти идеи и содержание расширяются до знания и уважения цивилизаций, отличных от его собственной — как сказано в цитированной выше Конвенции.

Если этого нет, то подлинного гражданского воспитания также не может быть, и специалисты говорят о «дисфункции», «деформации» институтов социализации [1]. Полагаю, имея в виду современную жизнь нашей Родины, вполне можно говорить о большем, о том, что воспитание (т. е. процесс, специально организованный в школе и вузе) и социализация (воспитание жизнью во всей ее полноте) работают не только не в сотрудничестве, но в противофазе и противостоянии. Это приводит к потере человеком собственной идентичности, делает его более зависимым от внешних факторов и влияний [12]. В частности и в особенности — от влияния СМИ [5].

Иногда говорится, что средства массовой информации лишь отражают ситуацию в обществе, но не определяют ее. Однако они формируют восприятие ситуации и тем самым часто и во многом творят ее. Еще в 1928 году была сформулирована так называемая теорема Томаса: если люди считают ситуацию кризисной, то ее последствия будут представлять собой реальный кризис [21]. Много позднее Д. Макквейл вывел интересное следствие общего порядка из этой, казалось бы, относящейся только к психологии теоремы. Это следствие — о провокационной роли СМИ: если CNN называет ситуацию кризисной, то она действительно станет кризисом со всеми его последствиями [20]. И если даже не воспринимать ни теорему, ни следствие на уровне определенной математической теоремы, тенденция воспринята верно.

Роль и значение идеологии и идеологического воспитания становятся особенно понятными в кризисные периоды развития страны — войны, революции, экономические кризисы. Например, Великая Отечественная война. У некоторых, и автора в том числе, детская жизнь тех времен прошла в Ленинграде, который пережил тяжелейшую блокаду. И если брать население города в его большинстве, а не немногие исключения, то при всех этих тяготах, лишениях, боли, смерти близких — никогда не было разговоров о поражении, о возможной сдаче города. Напротив, часто говорилось о подвигах красноармейцев, о которых узнавали по радио. Как всегда и везде во время войны трудно предположить, что в этих сообщениях была вся и полная правда. Но важен был основной посыл — патриотический, победный, вдохновляющий. И, естественно, такой же идеологический посыл был в школе, в кино, т. е. вся система социализации была хорошо скоординирована.